

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.А.ЛИТВИН

ИСТОРИЯ РОССИИ

Конспект лекций

Казань-2013

Литвин А.А.

История России: Краткий конспект лекций / А.А.Литвин,;

Каз.федер.ун-т. - Казань, 2013.

В предлагаемых лекциях рассматриваются узловые моменты истории России. Предпринята попытка изучить опыт создания единого русского государства, глобального изменения путей его развития, понять содержание основных государственно-административных реформ, показать роль личности руководителей и теоретиков. Огромный период существования российского государства, основные закономерности его становления и укрепление требуют подробного изучения и осмысления.

Принято на заседании кафедры музеологии, культурологии
и туризма

Протокол №1 от 28 августа 2013 г.

©Казанский федеральный университет

©Литвин А.А.

Содержание

1. Тема 1. Удельная Русь. Причины и последствия перехода к удельному периоду.....	
2. Тема 2. Предпосылки и начало..... преобразований Петра Великого. У истоков преобразований.....	
3. Тема 3. Россия при Екатерине Великой. Первые годы царствования.....	
4. Тема 4. Внутренняя и внешняя политика при Александре I. Внутренняя политика в 1801-1812 гг.....	
5. Тема 5. Внутренняя и внешняя политика при Николае I. Внутренняя политика.....	
6. Тема 6. Власть в эпоху поздней империи.....	
7. Тема 7. Либеральная альтернатива в начале XX века.....	
8. Тема 8. Социалисты и революция.....	
9. Тема 9. 1917 год: борьба за власть.....	
10. Тема 10. Гражданская война как социально-политический феномен.....	
11. Тема 11. Феномен советской империи: противоречия национальной политики.....	
12. Тема 12. «Либеральная весна» и ее политическая судьба.....	

Тема 1

Удельная Русь. Причины и последствия перехода к удельному периоду.

С распадом Древнерусского государства на самостоятельные княжества начинается период феодальной раздробленности или, по определению историков XIX в., удельный период.

Политического дробления не избежало ни одно раннефеодальное государство Европы. Все они после кратковременного и бурного расцвета вступали в полосу кризиса и распада. Древняя Русь – не исключение. Отсюда можно сделать вывод, что распад раннефеодальных государств – явление закономерное, порожденное общими причинами. По мнению исследователей, сторонников формационного подхода, крушение «варварских» империй – прямое следствие генезиса феодализма, прежде всего становления и развития крупного феодального землевладения. Класс феодалов приобретает экономическое и политическое могущество. Он все более ориентируется на местного князя. Общественная и политическая жизнь дробится и замыкается на суверенных землях. В обособившихся княжествах с наследственными династиями интенсивнее идет развитие экономики и культуры. Местный князь, по привычке поглядывая вождельно на Киев, не порывает отношений со своей наследственной «отчиной», главным источником своей силы.

Распад Древнерусского государства связан с ростом городов и превращением их в самостоятельные политические центры. Этот процесс усилился с возникновением местных династий. Отныне города-волости с сильными вечевыми предками не желали мириться с ущемлением своих интересов. Естественным союзником городов выступал местный князь, могущество и сила которого всецело зависели от поддержки местных землевладельцев и вече.

Изменение торговых путей привело к тому, что путь «из варяг в греки» постепенно утратил значение важнейшей торговой артерии, связывающей Восток и Византию с Европой, и это отразилось на державе Рюриковичей.

Пагубным для единства Древней Руси оказался напор половцев на земледельческие районы юга страны. Центр Половецкой земли находился в междуречье Днепра и Дона. Отсюда половцы расселились сначала на средний Днепр и верхний Донец, затем в низовья Днепра, в Предкавказье, в Крым и, наконец, уже в XIII в. – в междуречье Дона и Волги.

Отношения Южной Руси со Степью складывались непросто. Различия в образе жизни, языке, культуре и, главное, в способе ведения хозяйства – все это накладывало свой отпечаток на взаимоотношения.

Распад Древнерусского государства – результат действия нескольких причин, одни из которых носят общий характер для всех варварских государств, другие тесно связаны с особенностями исторического развития державы Рюриковичей.

Однако с распадом Древнерусского государства не было утрачено сознание единства Русской земли. Княжества продолжали жить по общим законам – «Русской Правде», в рамках одной православной митрополии, они оставались едиными по культуре и языку. Уместно говорить о своеобразной федерации русских княжеств, способной, при совпадении интересов, даже к совместным действиям. Тем не менее, распад на уделы пагубно отразился на военной и политической мощи Русской земли.

Известная парадоксальность заключается в том, что утрата политического единства, нередко воспринимаемая как шаг назад в развитии государственности, свидетельствовала о зрелости общества. Удельный период характеризуется ростом городов, существенными культурными достижениями. Ослабев в военном отношении, Русь продвинулась вперед в экономическом и социально-политическом развитии. Нетрудно заметить противоречивый характер последствий раздробленности.

С наступлением раздробленности число удельных княжеств непрерывно росло. В середине XII в. их было 15, к началу XIII – 50, а в XIV столетии – не менее 250. Из этого огромного числа суверенных земель, никогда не входивших в состав Древнерусского государства, наиболее крупными были Владимиро-Суздальские, Галицко-Волинское княжества и Новгородская земля. Эти земли довольно долго сохраняли единую территорию, что предопределило их большое влияние на остальные княжества.

Тема 2

Предпосылки и начало преобразований Петра Великого. У истоков преобразований.

Рубеж XVII-XVIII является весьма важным в истории феодальной России. Его по-своему отмечали дворянские и буржуазные историки. Они противопоставляли «московский» период «петербургскому», или «царский» - «Императорскому». Историк Рожков преобразования первой четверти XVIII в. называл даже дворянской революцией.

Преобразования, разумеется, революцией не являлись. Как до преобразований, так и после них господствующее положение занимало дворянство. Однако его статус в экономической и политической жизни страны укрепился настолько, что оно приобрело в последующие десятилетия новые привилегии, усилило свою власть над закрепощенным крестьянством, распоряжалось по своему усмотрению троном.

Преобразования оставили глубокий след прежде всего тем, что они охватывали самые разнообразные сферы жизни страны: экономику и науку, быт и внешнюю политику, государственный строй и положение трудовых масс, церковные дела и искусство. Осуществление преобразований связано с деятельностью Петра Великого. Этого выдающегося государственного деятеля отличала многоплановость дарований: он был талантливым полководцем и проницательным дипломатом, одаренным публицистом и незаурядным законодателем, великолепным кораблестроителем и человеком, постигшим

тайны фортификационного дела. Таким же разнообразием отличались свойства его натуры. Он умел быть жестоким и нежным, расточительным и рачительным до скарעדности, буйным и выдержанным в проявлении страстей, простым и надменным в обращении. Едва ли не самой примечательной чертой его характера была настойчивость в достижении поставленной цели. Он не имел обыкновения отступать перед трудностями и неудачами – они вызывали у него прилив энергии и непреклонное желание достичь задуманного.

Еще одно свойство натуры Петра, явившееся уникальным, состояло в стремлении воздействовать на подданных личным примером. Отправка за границу волонтеров вызывала в боярско-княжеской среде ропот – царь сам отправился учиться корабельному мастерству; все слои населения тяготились корабельной повинностью и повинностью строить новую столицу – Петр сам беретса за топор, чтобы строить и спускать на воду корабли, вбивает сваи в болотистую почву, на которой выросла столица империи; театр военных действий требовал жертв – Петр не отсиживался в обозе и находился в пекле сражений.

На военном поприще воздвигались многие монархи разных времен, но Петр был единственным, кто начинал службу барабанщиком и получал очередные повышения в чинах за реальные успехи на поле брани: за овладение Азовом, за Полтавскую викторию. Требуя от дворян и горожан, чтобы они вместо длиннополого платья носили короткое, царь сам обрядился в удобный для работы европейский кафтан.

Петр был прост в обращении, часто принимал приглашения на крестины, в том числе и от рядовых гвардейцев, запросто беседовал с мастеровыми, любил физический труд и владел дюжиной ремесел, но из этого не следует, что перед нами царь-демократ. Великий Пушкин подметил и деспотичное свойство царя: «перед ним все дрожало и безмолвствовало». В то же время царь удостоивался похвалы современников прежде всего не как наместник Бога на земле, а как пример совершенного человека, обладавшего множеством личных достоинств, которым подданные должны были подражать.

Но дело здесь не только в неутомимой энергии Петра I, его разносторонних дарованиях, а в том, что преобразования были подготовлены всем предшествующим развитием России.

Заслуга Петра I состояла в том, что он правильно понял стоявшие перед страной задачи и упорно их осуществлял.

Специфика преобразований Петра Великого состояла в том, что они проводились в годы напряженнейшей Северной войны, решавшей судьбы страны: быть ли ей суверенным государством или оказаться зависимой от Швеции и продолжать прозябать в роли отсталой державы, на западе называвшейся Московией.

Война властно требовала сиюминутных результатов от внедряемых новшеств, и поэтому на первом этапе преобразования осуществлялись стихийно, без предварительной подготовки. Так продолжалось примерно до 1711-1712 гг., после чего наступил второй этап преобразований, позади остались Полтава и Прутский поход. Театр военных действий переместился на неприятельскую территорию, у Петра появилась возможность основательно готовиться к проведению реформ, изучать опыт государственного строительства европейских стран, привлекать на русскую службу не только военных, но и гражданских специалистов.

Тема 3

Россия при Екатерине Великой. Первые годы царствования

Первые два-три года царствования Екатерина II заслуживают специально рассмотрения по двум причинам: в эти годы императрица разбирала «завалы», оставленные предшествующими царствованиями, а с другой стороны, в эти же годы выявились зачатки новой политики, получившей название пресвященного абсолютизма.

Спустя семь лет после переворота, когда положение Екатерины на троне стало достаточно прочным и, казалось, ничто ей не грозило, она мрачными

красками обрисовала положение страны в год, когда заняла престол: финансы находились в запущенном состоянии, отсутствовали даже сметы доходов и расходов, армия не получала жалованье, флот гнил, крепости разрушались, повсюду народ стонал от произвола и лихоимства приказных служителей, повсюду царил неправый суд, тюрьмы были переполнены колодниками, в неповиновении находились 49 тыс. приписных к уральским заводам крестьян, а помещичьих и монастырских крестьян в Европейской России – 150 тыс.

Рисуя столь безрадостную картину, императрица, конечно же, сгустила краски, но во многом она соответствовала действительности. Более того, Екатерина умолчала о двух главных своих бедах, несколько лет лишавших ее покоя: первая состояла в насильственном овладении престолом, права на который у нее отсутствовали совершенно; вторая беда – это наличие трех законных претендентов на престол в лице двух свергнутых императоров и наследника – сына Павла Петровича.

От свергнутого супруга удалось избавиться – через несколько дней после переворота его лишили жизни гвардейцы, приставленные для охраны. Сын Павел серьезной угрозы не представлял, поскольку он не имел опоры ни в гвардии, ни при дворе, ни среди вельмож. Самым опасным претендентом Екатерина справедливо считала томившегося в Шлиссельбургской крепости 22-летнего Иоанна Антоновича. Не случайно императрица вскоре после воцарения пожелала на него взглянуть. Он выглядел физически здоровым, но многолетняя жизнь в полной изоляции нанесла невосполнимый урон – он оказался умственно неразвитым и косноязычным молодым человеком. Екатерина несколько успокоилась, но полной уверенности, что имя Иоанна Антоновича не стане знаменем борьбы против нее, не обрела и, как показали последующие события, была совершенно права.

Екатерина, кроме того, не упомянула о внешнеполитическом наследии, полученном от супруга: разрыв с союзниками по Семилетней войне, заключение союза со вчерашним неприятелем Фридрихом II, передача в его распоряжение корпуса Чернышова и подготовка к войне с Данией.

Проще и выгоднее всего для Екатерины было дезавуировать внешнеполитические акции Петра III – они были крайне непопулярны как в обществе, так и в действующей армии и особенно в гвардейских полках, по велению императора готовившихся к походу против Дании. Однако отказ от внешнеполитического курса супруга был неполным: Екатерина не пожелала пребывать в лагере союзников, чтобы продолжать Семилетнюю войну, но к радости изнеженных гвардейцев отменила датский поход и отозвала корпус Захара Чернышова. Не разорвала она союза с Фридрихом II, поскольку имела виды на благожелательное отношение прусского короля к судьбам трона Речи Посполитой, где ожидали скорой смерти Августа III, а также Курляндии, где императрица намеревалась вернуть герцогскую корону Бирону.

Сложное обстояло дело с решением внутривластных задач. Именно в этой сфере от императрицы требовалось проявить максимум осторожности, предусмотрительности, умения лавировать и даже действовать вопреки своим убеждениям. Этими качествами она обладала в полной мере. Начнем с того, что переворот Екатерины в отличие от переворота Елизаветы Петровны не сопровождался сменой вельмож: сохранили свои посты канцлер М.И.Воронцов, генерал-прокуратор А.И.Глебов, обласкан был Миних, находившийся в свите Петра III и дававший ему советы, как эффективнее бороться с супругой, а также генерал П.А.Румянцев, назначенный императором главнокомандующим русскими войсками в войне с Данией, и др.

Двух заслуженных вельмож – Якова Петровича Шаховского, отправленного Петром III с поста генерал-прокурора, и канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина, лишённого чинов и званий и отправленного в ссылку в деревню Елизаветой Петровной, - Екатерина велела вернуть ко двору. Тем самым Екатерина демонстрировала намерение осуществить внутреннюю политику кадрами, унаследованными от супруга.

Преемственность политики в отношении дворян императрица подтвердила указом 3 июля 1762 г., повелевавшим крестьянам находиться в таком же беспрекословном повиновении помещикам, как и прежде. Заметим,

личные воззрения Екатерины на крепостное право вступали в вопиющее противоречие с ее законодательством, т.е. практическими мерами, не ослаблявшими, а усиливавшими крепостной Гент. Преемственность политики проявилась и в подтверждении Екатериной нормативных актов предшествующего царствования: она оставила в силе указ Петра III о запрещении владельцам мануфактур покупать крестьян и его же указ об упразднении Тайной розыскных дел канцелярии.

Тема 4

Внутренняя и внешняя политика при Александре I. Внутренняя политика в 1801-1812 гг.

XIX век в истории России начался новым и последним дворцовым переворотом. Император Павел I был убит, и на престол вступил его старший сын Александр (1777-1825), любимый внук Екатерины II, которая сама руководила его воспитанием. Ею были приглашены лучшие преподаватели и в их числе выписанный из Швейцарии Ф.Ц.Лагарп, человек высокообразованный, приверженец идей Просвещения и республиканец по взглядам. В должности «главного воспитателя» он состоял при Александре 11 лет. Знакомя своего воспитанника с понятиями о «естественном» равенстве людей, преимуществе республиканской форме правления, о политической и гражданской свободе, о «всеобщем благе», к которому должен стремиться правитель, Лагарп при этом тщательно обходил реалии крепостнической России. Более всего он занимался нравственным воспитанием своего ученика. Впоследствии Александр I говорил, что всем, что есть у него «хорошего», он был обязан Лагарпу.

Но еще более действенной школой воспитания будущего императора явились те реальные условия, в которых ему приходилось находиться, атмосфера враждующих между собой «большого двора» Екатерины II и

«малого» - отца Павла Петровича в Гатчине. Необходимость лавировать между ними приучила Александра, по меткому выражению В.О.Ключевского, «жить на два ума, держать две парадные физиономии», развила в нем скрытность, недоверчивость к людям и осторожность. Обладая незаурядным умом, изысканными манерами, по отзывам современников, «врожденным даром любезности», он отличался виртуозной способностью расположить к себе людей различных взглядов и убеждений, ловко пользовался людскими слабостями. Он умел играть «в откровенность» как надежное средство управлять людьми и подчинять их своей воле. «Сущий прельститель», - говорил о нем М.М.Сперанский. Известно высказывание Наполеона: «Александр умен, приятен, образован, но ему нельзя доверять; это – истинный византиец... тонкий, притворный, хитрый». Современники отмечали и такие черты характера Александра, как упрямство, подозрительность, большое самолюбие и стремление «искать популярности по любому поводу», а историки видели в нем «странное смешение философских поветрий XVIII в. с принципами прирожденного самовластия», либерализма и деспотизма.

Александр вступил на престол в 23-летнем возрасте, но уже со сложившимися взглядами и намерениями. В изданном 12 марта 1801 г. Манифесте он объявил, что будет управлять «Богом врученным» ему народом «по законам и по сердцу в Бозе почивающей августейшей бабки нашей императрицы Екатерины Великия», тем самым подчеркнув свою приверженность политическому курсу Екатерины II, особенно много сделавшей для расширения дворянских привилегий. Он начал с того, что восстановил отмененные Павлом I Жалованные грамоты 1785 г. дворянству и городам; дворянские выборные корпоративные органы – уездные и губернские собрания дворян, освободил дворян и духовенство от телесных наказаний, введенных Павлом. 2 апреля была упразднена наводившая ужас Тайная экспедиция и освобождены содержащиеся в Петропавловской крепости ее узники. Были возвращены из ссылки до 12 тыс. опальных или репрессированных Павлом чиновников и военных, объявлена амнистия всем

сбежавших за границу от Павловских репрессий. Были отменены и другие раздражавшие дворянство Павловские указы, вроде запрета носить круглые французские шляпы, выписывать иностранные газеты и журналы, выезжать за границу. В городах исчезли виселицы, к коим прибывали доски с именами опальных. Владельцам частных типографий было разрешено свободно печатать книги и периодические издания.

Пока это были еще не реформы, а лишь отмена наиболее тиранических распоряжений Павла I, вызывавших всеобщее недовольство, но эти действия нового царя оказали огромное влияние на умы современников и породили надежды на дальнейшие перемены. От Александра ждали «нового правления», где «на место произвола и насилия явились бы наконец законы и справедливость». В серьезность реформаторских намерений Александра верили не только в России, но и за ее пределами.

Несмотря на то, что Александр I подчеркивал преемственность между своим царствованием и царствованием Екатерины II, однако его правление не было ни возвратом к «золотому веку» Екатерины II, ни полным отказом от политики, проводимой Павлом, направленной на усиление самодержавной власти царя. Демонстративно подчеркивая свое отрицание характера и методов Павловского правления, он все же воспринял немало черт его царствования, причем в главной его направленности - к дальнейшей бюрократизации и централизации управления как меры укрепления самодержавной власти монарха. В нем глубоко укоренились и такие «гатчинские привычки», как приверженность к воинской муштре, любовь к парадом.

Однако Александр I не мог не считаться с новым «духом времени», в первую очередь с влиянием французской революции на умы. В новых условиях он стремился, не меняя основного направления политики Екатерины II и Павла I на укрепление абсолютизма, найти такие способы разрешения назревавших проблем, которые соответствовали духу времени. Уже в самом начале своего царствования Александр I торжественно провозгласил, что отныне в основе его политики будет не личная воля монарха, а строгое соблюдение законов. При

каждом удобном случае Александр I любил говорить о приоритете законности, о своем стремлении «привнести ясность и порядок» в систему управления и поставить отношения между властью и подданными на «законную основу». Населению были обещаны правовые гарантии от произвола. Все эти заявления Александра имели большой общественный резонанс, ибо они отвечали главной идее представителей всех направлений общественной мысли того времени.

Для проведения этого курса Александру I нужны были энергичные и деятельные советники. Естественно, он не хотел искать их среди убийц своего отца, которые многое знали и на многое претендовали. Поэтому после событий 12 марта 1801 г. Участники заговора один за другим были удалены от двора. Не желал новый царь слушать и нравоучения престарелых екатерининских вельмож, также на многое претендовавших. Он приблизил к себе друзей юности – представителей молодого поколения родовитой дворянской знати: П.А.Строганова («первого якобинца» и поклонника Бонапарта), его двоюродного брата Н.Н.Новосильцева (старшего из всех, отличавшегося энциклопедической образованностью), молодого графа В.П.Кочубея (который хотя и «не блистал талантами», но был полезен «чиновничьей изощренностью») и А.А.Чарторыйского (бескорыстного, честного, мечтавшего о восстановлении независимости Польши, приходившегося двоюродным братом последнему польскому королю А.Понятовскому). Эти люди и составили летом 1801 г. Так называемый Негласный комитет (его называли также «Интимным комитетом»). Он не имел официального статуса государственного учреждения, но в первые годы царствования Александр I оказывал большое влияние на его политику и определил в основных чертах программу преобразований.

Тема 5

Внутренняя и внешняя политика при Николае I. Внутренняя политика

Годы царствования Николая I (1825-1855) оцениваются историками как «апогей самодержавия». Его царствование началось с подавления восстания декабристов 14 декабря 1825 г. и завершилось в феврале 1855 г., в трагические дни обороны Севастополя во время Крымской войны. Восстание декабристов произвело сильное впечатление на Николая I. Он рассматривал его как следствие влияния западноевропейских революций и «разрушительных» идей. И все же он не мог не задумываться и над внутренними причинами вероятных в будущем революционных выступлений в России. Именно поэтому он входил во все детали следствия по делу декабристов, сам выступал в роли искусного следователя, чтобы докопаться до корней заговора. По его приказу был составлен Свод показаний декабристов о внутреннем состоянии России, куда были включены основные положения планов и проектов декабристов, записки подследственных на его имя с критикой современного состояния страны. Этот свод постоянно находился в кабинете Николая I.

Из материалов дела декабристов перед Николаем I раскрылась широкая картина колоссальных безобразий в управлении, суде, финансах и в других сферах. Царь понимал необходимость проведения преобразований. 6 декабря 1826 г. был учрежден Секретный комитет для обсуждения программы преобразований в управлении и социальной сфере.

В нашей историографии вплоть до недавнего времени внутренняя политика Николая I рассматривалась как всецело реакционная. Не учитывалась ее сложность и противоречивость: с одной стороны, стремление Николая I предотвратить возможность революционных потрясений, подобных тем, какие происходили в 30-40-х годах XIX в. В странах Западной Европы, постоянная борьба против распространения в России «разрушительных» идей; с другой – проведение мер, направленных на решение острых социальных проблем, в первую очередь крестьянского вопроса. Николай I был убежден в необходимости отмены крепостного права, поощрении экономического и

культурного развития страны. В целом все это было направлено на укрепление целостности и могущества Российской империи.

Николай I ранее нередко изображали как некую «самодовольную посредственность с кругозором ротного командира». В действительности это был достаточно образованный для своего времени, волевой, прагматически мыслящий самодержец. Он профессионально знал военно-инженерное дело с приемами тактики, любил архитектуру и сам участвовал в проектах многих общественных зданий, хорошо разбирался в литературе и искусстве, был неплохим дипломатом. Был искренне верующим человеком, но чуждым мистицизма и сентиментализма, присущих Александру I, не обладал его искусством тонкой интриги и притворства, ясный и холодный ум Николая действовал прямо и открыто. Поражал иностранцев роскошью двора и блестящими приемами, он был крайне непритязателен в личном быту, вплоть до того, что спал на походной солдатской койке, укрывшись шинелью. Удивлял огромной работоспособностью. С семи часов утра весь день он трудился в своем скромном кабинете Зимнего дворца, вникая во все мелочи жизни огромной империи, требуя подобных сведений обо всем случившемся. Любил внезапно инспектировать казенные учреждения в столице и в провинции, неожиданно являлся в присутственные места, в учебное заведение, суд, таможню, сиротский дом.

Николай I стремился придать всей системе управления «стройность и целесообразность», добиться на всех уровнях максимальной исполнительности. В этом смысле идеалом для него являлась военная служба. «Здесь порядок, строгая безусловная законность, никакого всезнайства и противоречия, все вытекает одно из другого, все подчиняется одной определенной цели: все имеет одно назначение, - говаривал он, - потому-то мне так хорошо среди этих людей и поэтому я всегда буду держать в почете звание солдата. Я смотрю на человеческую жизнь только как службу, так как каждый должен служить». Отсюда и стремление Николая к милитаризации управления. Почти все министры и почти все губернаторы при Николае I были назначены из военных.

Одной из первоочередных задач внутривластного курса Николая I было укрепление полицейско-бюрократического аппарата. Последовательное проведение принципов бюрократизации, централизации и военизации рассматривалось им как эффективное средство борьбы с революционным движением и укрепления самодержавных порядков. При нем создавалась продуманная система всесторонней государственной опеки над общественно-политической, экономической и культурной жизнью страны.

Вместе с тем Николай I ставил задачу все сферы управления подчинить своему личному контролю, сосредоточить в своих руках решение как общих, так и частных дел, минуя соответствующие министерства и ведомства. Для решения того или иного важного вопроса учреждались многочисленные секретные комитеты и комиссии, находившиеся в непосредственном ведении царя и часто подменявшие министерства. Существенно была ограничена компетенция Сената и Государственного совета, так как многие дела, подлежащие их ведению, решались в специально созданных комитетах и комиссиях.

Тема 6

Власть в эпоху поздней империи

На рубеже XIX-XX вв. Россия была одной из немногих неограниченных монархий. Император всероссийский, чей полный титул включал более полусотни географических названий, обладал всей полнотой законодательной и исполнительной власти. Законы империи гласили: «Повиноваться верховной власти его не токмо за страх, но и за совесть сам Бог повелевает». Россия позже развитых стран вступила на путь промышленного развития, повлекшего за собой обновление важнейших сфер жизни. Проблема модернизации вставала перед страной на протяжении длительного времени. Как правило, идеи обновления получали практическое воплощение в обстановке социально-

политического кризиса, когда реформаторов подстегивало прямое давление снизу или опасность извне. Ни одна из периодически осуществлявшихся реформ не была проведена комплексно и последовательно. Следующее поколение реформаторов получало в наследство незавершенные реформы, что в свою очередь тормозило их собственные преобразования. Ярким примером такого противоречивого процесса было изменение государственного строя, медленная эволюция институтов монархии и их приспособление к реалиям новой эпохи.

В абсолютной монархии власть персонифицируется в одном человеке. До 18943 г. Россией правил Александр III, который, по всеобщему мнению, олицетворял собой тип самодержавного государя. Вступив на престол в разгар народовольческого террора, он заслужил ненависть либерально настроенной части общества, видевшей в нем символ тупого полицейского гнета, и столь же горячее восхищение консерваторов, указывавших, что он оставил процветающую державу со стабильным сельским хозяйством, быстро развивающейся промышленностью, твердой валютой.

Получив такое наследство, его старший сын Николай II во время первой всеобщей переписи населения мог с законной гордостью написать о себе в переписном листе номер один: «Хозяин земли Русской». Однако дела в этом наследстве обстояли не столь благополучно, как следовало из официальных документов. Российская империя выглядела монолитной только на политической карте. С пестротой этнографического состава могло поспорить только разнообразие ландшафта и климата. 125,6 млн. подданных империи, которых насчитала перепись, были разделены на сто народов и множество этнических групп. Многофункциональное государство сложилось в результате противоречивого процесса. Народы России принадлежали к различным расам и языковым группам, прошли разный исторический путь, находились на разных ступенях развития. Они отличались по национальной психологии, исповедовали различные религии.

Все это многообразие существовало в унитарном государстве. Только один национальный регион – Великое княжество Финляндское сохранил особое законодательство, сейм, монетную систему. В вассальной зависимости находились Бухарское и Хивинское ханства, позже под протекторат России был принят Тувинский край. Остальные национальные окраины были на положении наместничеств, генерал-губернаторств, губерний и областей. Александр III проводил насильственную русификаторскую политику. Продолжалось «обрусение» Польши, под постоянной угрозой находилась автономия Финляндии. Для правящих кругов России не существовало украинского и белорусского народов; они официально считались русскими, а их язык и культура не признавались самостоятельными. Культивировалось снисходительно-пренебрежительное отношение к «туземцам», «иногородцам». Не составляло тайны, что Александр III был убежденным антисемитом. При нем окончательно оформилось особое законодательство в отношении евреев. Лица иудейского вероисповедания были ограничены в правах и должны были проживать только в «черте еврейской оседлости», включавшей 25 губерний на территории России и Польши. Примечательно, что привилегированное положение русских, которое было предметом заботы высших сфер, не отразилось на материальном благосостоянии народа. Уровень жизни в российских губерниях зачастую был ниже, чем на окраинах.

В Московском царстве и в Российской империи всегда существовала пропасть между различными социальными слоями. В царствование Александра III эта пропасть значительно углубилась. Это объяснялось одновременным наслоением полуфеодалных порядков и хищнических методов молодого российского капитализма, бурно развивавшегося во второй половине XIX века. Крестьянство, составлявшее самый большой по численности класс населения (77,1% по переписи 1897 г.); было основным плательщиком податей. Кроме того, реформа 1861 г., сделавшая крепостных лично свободными, возложила на них бремя податных платежей. Низкий уровень агротехники не помешал России превратиться в одного из главных экспортеров сельскохозяйственной

продукции на мировом рынке. Обратной стороной этого достижения была вопиющая бедность российской деревни. В 1891 г. ряд губерний охватил жестокий голод.

Тема 7

Либеральная альтернатива в начале XX века.

На рубеже XIX-XX вв. начался качественно новый этап эволюции русского либерализма. Форсированное усилиями правительства «сверху» развитие капитализма в аграрно-крестьянской стране, изменения в экономике, социальной, полиэтнической и конфессиональной структуре российского общества, в сфере его духовной жизни, идеологии и политики явились мощными катализаторами, определившими внутреннюю логику и ведущую тенденцию процессов, проходивших в это время в либерализме. Чем более зрелыми становились в России рыночные отношения, чем более они вторгались во все поры общественной жизни, тем интенсивнее шла переплавка старых классов-сословий в социальные страты современного общества, тем быстрее шел процесс смены одной стадии освободительного движения другой, тем острее интеллектуальная элита ощущала несоответствие интересов развития страны как с отжившим свой век и начавшим агонизировать авторитарным режимом, так и со всеми другими пережитками, уходящей в прошлое эпохи.

В этих условиях в либерализме возникает и начинает набирать силу новое течение, представленное интеллигенцией, наиболее остро и чутко осознавшей это возрастающее несоответствие, чреватое не только обострением политических, социальных и национальных антагонизмов, но и непредсказуемыми последствиями для дальнейших исторических судеб страны. Если попытаться лапидарно определить основную суть и направление процессов, проходивших в то переломное время в русском либерализме, то можно сказать: это, во-первых, была смена одной мировоззренческой системы ценностей другой, более соответствующей западноевропейским понятиям о

гражданском обществе и правовом государстве и, во-вторых, смена одной генерации либеральных деятелей другой.

Либералы новой генерации – интеллигенты-интеллектуалы открыто заговорили о необходимости капиталистической модернизации России, о буржуазии как новом восходящем классе, призванном в ближайшей перспективе стать ведущей социальной и политической силой, определявшей ведущую тенденцию развития общественного процесса. На рубеже двух веков в рамках общей эволюции либерализма прослеживается тенденция к его демократизации и расширению социальной базы (достаточно сказать, что старый – земский – либерализм объединял в своих рядах лишь 300 человек, из которых 80% были дворяне) за счет приобщения к нему широких слоев интеллигенции; к радикальным изменениям в области идеологии и программы, политики и тактики.

В это время в либеральном движении все громче и увереннее зазвучали голоса: приват-доцента Московского университета, выдающегося историка П.Н.Милюкова, секретаря Юридического общества при Петербургском университете, редактора журнала «Право» В.Д.Набокова, профессоров П.И.Новгородцева, С.А.Муромцева, А.А.Мануилова, А.А.Кауфмана, приват-доцентов Ф.Ф.Кокошкина, С.А.Котляровского, В.Е.Якушкина и других. Эти слои интеллигенции, а также перешедшие на позиции либерализма (сначала идейно, а затем и организационно) некоторые представители народничества – профессора Н.А.Каблукова и А.И.Чупров; «легального марксизма» (П.Б.Струве, С.Н.Булгаков, Н.А.Бердяев, М.И.Туган-Барановский) и «экономизма» (С.Н.Прокопович и Е.Д.Кускова) внесли в русский либерализм мощную струю демократизма и социального реформаторства. Наблюдалась довольно быстрая «европеизация» русского либерализма, который, с одной стороны, интенсивно «очищался» от налета дворянской спеси и устаревших славянофильских идей, а с другой – впитывал и перерабатывал новейшие идеи западноевропейской науки и реформистских течений в марксизме.

Разделяя западноевропейские идеи о создании правового государства и гражданского общества, интеллигенция выступила за ликвидацию авторитарного режима, настаивала на его замене конституционно-парламентарным строем, на реализации принципа всеобщего избирательного права, всего комплекса гражданских прав и свобод, а также лозунга культурного самоопределения наций и народностей России. В отличие от либералов XIX в., интеллигенция внесла в свою программу ряд социальных требований (принудительное отчуждение части помещичьей земли за выкуп, создание профессиональных союзов рабочих и служащих, постепенное введение 8-часового рабочего дня, социального страхования), рассчитанных на создание стабильной политической и социальной обстановки в стране, на привлечение на свою сторону масс.

Изменилась и тактика нового либерализма. Если земские (дворянские) либералы категорически выступали против нелегальной деятельности, ограничивались петициями и адресами на «высочайшее имя», то интеллигенты приступили к созданию нелегальных организаций, к изданию и распространению нелегальных печатных органов, использовали методы «захватного права». Более того, они выступали в поддержку мирных политических забастовок и демонстраций, оказывали материальную и техническую помощь революционным организациям.

Тема 8

Социалисты и революция

Наличие двух конкурирующих социалистических идеологий – неонароднической и марксистской – и соответственно двух сильных партий – социалистов-революционеров (ПСР) и РСДРП – отличительная черта революционного движения России на рубеже XIX-XX вв. Спустя десятилетия с момента создания Г.В.Плехановым и его соратниками в эмиграции группы «Освобождение труда» (1883 г.), распространение марксизма в среде

радикально настроенной интеллигенции России приняло, можно сказать, почти эпидемический характер. Литературовед и публицист народнического направления Р.Р.Иванов-Разумник констатировал: «Начиная с 1893-1894 гг., волна русского марксизма нарастает со сказочной быстротой».

Причины распространения марксизма не сводимы, как это делалось в советской исторической литературе, к кризису народничества (который, несомненно, наблюдался в 90-е гг. и который народники на рубеже двух веков преодолели, образовав ПСР). Распространение марксизма в России необходимо рассматривать и в контексте русского западничества. Модернизационные процессы (развитие капиталистических отношений в России, начало становления элементов гражданского общества, политики Витте в 90-е гг. и т.п.), связанные с научно-техническим, экономическим и социокультурным прогрессом, утверждением парламентского строя и расширением демократических свобод в Западной Европе, делали приоритетной в общественном сознании западноевропейскую модель исторического развития. Но в условиях традиционного доминирования социалистической идеи в умах радикальной оппозиции борьба за «европеизацию» России была воспринята ею главным образом в виде марксистской теории. В немалой степени этому способствовали успехи международного социал-демократического движения, в котором русские радикалы видели доказательство правоты марксизма. Социал-демократизм привлекал не только надеждой на победу идеала социальной справедливости в будущем, но и его реальными достижениями в борьбе с социальным эгоизмом буржуазного общества и а гражданское равенство в Западной Европе (трудовое законодательство, профсоюзы, социальные и политические права для широких трудящихся масс). Социал-демократическое движение стало важным фактором дальнейшей демократизации западноевропейского общества, и это не могло пройти мимо внимания нового поколения российской радикальной интеллигенции.

Среди молодых марксистов 90-х гг. XIX в. Были не только будущие революционеры такие, как В.И.Ленин и Л.О.Мартов, но и будущие либералы –

П.Б.Струве, Н.А.Бердяев, С.П.Булгаков, выступившие после событий 1905-1907 гг. со знаменитым антиреволюционным манифестом – сборником статей под названием «Вехи». В книге «Самопознание» Бердяев так объяснял «свой» марксизм: «Я не раз задавал себе вопрос, что побудило меня стать марксистом, хотя не ортодоксальным и свободомыслящим? Вопрос сложный. Особенная чувствительность к марксизму осталась у меня и доныне. Я не мог примкнуть к социалистам-народникам или социалистам-революционерам, как они стали именоваться. Мне был чужд психологический тип старых русских революционеров. Я не был народником по своим взглядам. Кроме того, меня отталкивал пункт о терроре, к которому я относился отрицательно... В конце 90-х годов образовалось марксистское течение, которое стояло на гораздо более высоком культурном уровне, чем другие течения русской интеллигенции. Это был тип, мало похожий на тот, из которого впоследствии вышел большевизм... Для меня революция не была религией... В марксизме меня более всего пленил историософический размах, широта мировых перспектив. По сравнению с марксизмом старый русский социализм мне представлялся явлением провинциальным. Марксизм конца 90-х годов был несомненным процессом европеизации русской интеллигенции, приобщением ее к западным течениям, выходом на большой простор. Я был очень антинационалистически настроен и очень обращен к Западу». В признаниях Бердяева хотелось бы отметить несколько моментов, чрезвычайно значимых для понимания притягательности марксизма. Так, европеизация сознания радикальной русской интеллигенции, обращенность к Западу требовала обоснования единства путей его и России в общемировой перспективе (того, что Бердяев называет историософическим размахом). Это обоснование давала экономическая теория марксизма. Неизбежность капитализма означала неизбежность европеизации.

В то же время суждение Бердяева о чуждом ему психологическом типе старых русских революционеров позволяет и в рамках марксистского, и в рамках поздненароднического (или неонароднического) видения судеб России выделить два психологических типа носителей социалистической идеи. И если

рефлексирующим интеллигентам, будущим «верховцам» чужд классический тип личности революционера, то большая часть социалистически мыслящего молодого поколения 90-х и последующих годов восприняла именно его. Характернейшим представителем традиционного революционного типа личности был целенаправленно-волевой и интеллектуально одаренный Ленин, для которого революция стала всем, а конкретная человеческая личность – ничем в ее сравнительной ценности с великим делом социализма.

Тема 9

1917 год: борьба за власть

Царская монархия рухнула практически за несколько дней.

Было это столь неожиданно, столь внезапно, что, пожалуй, до сих пор историки останавливаются перед этим фактом в раздумье и удивлении, как перед некоей загадкой. Правда, предлагались да и предлагаются различные объяснения. В зарубежной исторической литературе долгое время, например, преобладала, да, пожалуй, и сейчас еще не отошла в прошлое, концепция стихийности, спонтанности февральских событий, вызывающая ряд вопросов. Советские историки, отвергая ее, долго и упорно противопоставляли ей (в жестких или смягченных вариантах) «концепцию» «ведущей роли большевистской партии», хотя факты ясно показывают, что большевики, (впрочем, как и другие партии) просто не могли тогда руководить тем, что они называли «массами».

Увы, история далеко не на все вопросы может дать ответы. Да и ее ли это дело? Н.Бердяев писал: «Объективные историки могут немалое выяснить в причине источников, в раскрытии второстепенных исторических причин... Но раскрытие смысла не дело исторической науки, это есть уже дело историографии». Тем не менее со всей определенностью можно сказать одно: февральские события «выросли» из войны.

В середине февраля из-за транспортных трудностей в Петрограде ухудшилось продовольственное снабжение, прежде всего хлебом. «Хвосты» (так тогда назывались очереди) за ним быстро росли, усиливая в народе беспокойство, раздражение и недовольство. 18 февраля рабочие одного из цехов Путиловского завода потребовали прибавки к зарплате. Дирекция отказала, уволила рабочих, начавших забастовку, и объявила о закрытии некоторых цехов на неопределенное время. Однако пострадавшие от локаута были поддержаны рабочими Путиловского завода и других предприятий. 23 февраля ст.стиля (8 марта нов.стиля) на некоторых заводах и фабриках проводились митинги и собрания, посвященные Международному женскому дню. Немногочисленные большевики и члены других революционных групп, прежде всего близкой к большевикам «Межрайонки», доказывали, что причины безработицы и отсутствия хлеба – равнодушие и произвол властей, хозяйский грабеж. Это находило отклик. Но независимо от агитации большую активность проявляли женщины-работницы, особенно остро переживавшие невзгоды и тяготы войны.

События стали нарастать с поразительной быстротой. Здесь и таится главная «загадка Февраля». Какой мотор «запустил» их, какая пружина сдвинула с места? Голод, агитация, бездействие власти? 24 февраля стачки приняли еще больший масштаб, рабочие митинги и демонстрации стали более многочисленными, в некоторых местах произошли столкновения с полицией и поддерживавшими ее подразделениями запасных полков, бездумно расквартированных в Петрограде.

25 февраля к рабочим стали присоединяться другие слои городского населения, и движение начало приобретать масштаб всеобщей стачки. Над демонстрантами кое-где уже реяли красные флаги и полотнища с лозунгами «Хлеб, мир, свобода!». Правда, быстро исчез появившийся лозунг «Долой войну!», что, по-видимому, было следствием втягивания в события интеллигенции и близких к ней групп населения.

А что же власти? Они оценивали все происходившее как «беспорядки» и особой тревоги пока не проявляли. Впрочем, так же смотрели на события в революционном подполье и либеральном – оппозиционных кругах. Никто не мог предположить, чем это все закончится...

Но 23 февраля (было воскресенье) власти все же «спохватились», перешли к более активным действиям: в ряде районов города полиция и войска стреляли в демонстрантов. Были арестованы некоторые члены Петербургского комитета большевиков.

Как оказалось, все это сослужило властям плохую службу. В понедельник 27 февраля в развитии событий наступил решающий перелом: солдаты расквартированных в Петрограде запасных батальонов гвардейских полков (среди них было много новобранцев или, напротив, вернувшихся в тыл по ранениям фронтовиков) стали переходить на сторону митинговавших рабочих.

Революционное подполье резко оживилось. Появился Манифест ЦК РСДРП (большевиков). «Задача рабочего класса, - говорилось в нем, - создать Временное революционное правительство, которое должно стать во главе нового нарождающегося республиканского строя».

Днем позже появилось и воззвание меньшевистского ОК. Оно призывало к сплочению всех сил, «не продавшихся старому строю». Стремясь не оттолкнуть широкие слои населения, меньшевики призывали к созданию Временного правительства (слово «революционный» не употреблялось).

К концу 27 февраля, и уже во всяком случае к 28 февраля, стало очевидно, что антиправительственное движение в Петрограде приобрело почти всеобщий характер. Странное состояние охватило город. Активная часть населения возбужденно «валила» власть, другая часть с любопытством наблюдала за происходящим. Но практически никто не защищал ее. Попытки военного министра, генералов М.Беляева и командующего Петроградским военным округом генерала С.Хабалова взять ситуацию под контроль ни к чему не привели. Находившийся под их командованием небольшой отряд словно в забытьи переходил из Адмиралтейства в Зимний дворец и обратно. Не

дождавшись подкреплений с фронта, Хабалов распустил свое воинство, и оно «растворилось» в толпах людей.

Тема 10

Гражданская война как социально-политический феномен

В течение десятилетий история гражданской войны в России была источником мифотворчества, служившего для оправдания победы большевиков. Она представлялась важным элементом в процессе становления советского национального самосознания, и победа большевиков в гражданской войне использовалась как доказательство исторической необходимости победы социализма в России. Поэтому само изучение гражданской войны постоянно преломлялось в фокусе необходимого оправдания победы большевиков как исторически закономерного, научно доказанного марксистской теорией факта.

Совершенно очевидно, что подобная постановка вопроса не могла объективно осветить социально-политические и культурные движения различных слоев российского общества в гражданской войне. В этом плане изучение истории гражданской войны еще только начинается и еще многое предстоит сделать

Основные положения мифа сводились к тому, что молодая республика Советов в неравном бою сражалась с белыми наемниками помещиков и капиталистов и что молодая республика, несмотря на военную помощь белым империалистическими державами и непосредственную военную интервенцию Антанты, вышла победительницей в войне. Таким образом, гражданская война в России представляется главным образом как война между белыми и красными с участием иностранных интервентов. Все остальные моменты гражданской войны совершенно опускаются.

Почему нельзя согласиться с подобной трактовкой истории? В первую очередь потому, что гражданская война была борьбой не только между красными и белыми. Целые группы населения, участвовавшие в войне, не

учитываются и даже не упоминаются в этой трактовке, например, такой важный феномен, как движение зеленых – партизан, дезертиров в центральных российских губерниях. Совершенно не упоминаются и не исследуются такие национальные движения, как повстанчество на Украине, в донских казачьих областях, на Кубани, татар, башкир, а также национальных меньшинств в Зауралье, Сибири и т.д. То есть в предыдущей советской историографии не учитывалась многоплановость гражданской войны, а также изменяющаяся сущность в процессе ее развития. Гражданская война прошла через несколько этапов, расходящихся между собой как по количеству участников, так и в основных направлениях борьбы между основными политическими и военными противниками.

Западная историография гражданской войны в России также была в какой-то степени источником мифотворчества. Если в 50-е годы основное направление стремилось оказать факт становления тоталитарного общества в России в результате победы большевиков в гражданской войне, то в последующие десятилетия возникновение школы так называемых ревизионистов привело часть западных исследователей к тому, чтобы утверждать, что победа большевиков была в какой-то степени обоснована, что в семнадцатом году произошла народная революция, рабочий класс под руководством партии большевиков пришел к власти и дальнейшие события – это сопротивление рабочего класса под руководством большевиков силам реакции и белым. То есть западная историография в ее ревизионистской части по-своему повторяла мифы советской историографии.

В чем же проблема, почему трудно согласиться с подобными толкованиями гражданской войны? Прежде всего потому, что история гражданской войны – это многоплановая история, ее необходимо рассматривать как глубокий внутренний процесс социального и политического развития страны. Сама гражданская война – это только отображение на внешнем уровне тех социально-политических явлений, которые происходили внутри российского общества. Здесь нельзя сводить все только к войне между

красными и белыми, а здесь нужно рассматривать всю многоплановость социальной структуры России.

Некоторые социальные группы, участвовавшие в гражданской войне, преследовали свои интересы, которые ничего общего не имели как с белыми, так и с красными. Прежде всего это относится к движению зеленых. Видение гражданской войны как исключительно фронтовой не позволяет «увидеть» политические партии меньшевиков, эсеров, левых эсеров, кадетов и других, которые также пытались принимать участие в гражданской войне. Кроме того, необходимо учитывать такой фактор, как случайность истории, непредвиденные обстоятельства, которые несколько раз в течение гражданской войны существенно изменяли ее ход. Необходимо рассматривать альтернативы конкретных исторических ситуаций, когда на поворотных рубежах и в восемнадцатом, и в девятнадцатом, и в двадцатом годах развитие событий могло пойти другим путем. Необходимо также принимать во внимание, что есть такое понятие, как неуправляемость ситуации, когда процесс идет своим ходом и никакое целенаправленное вмешательство не в состоянии изменить стихийное развитие ситуации.

Тема 11

Феномен советской империи: противоречия национальной политики

В период празднования последнего юбилея СССР в официальный обиход была запущена следующая пропаганда: советский опыт впервые в мире показал, что многонациональный состав населения из фактора слабости становится свидетельством силы и стабильности государства. Последующий ход событий подтвердил этот тезис с точностью до... наоборот.

Было бы исторически неверно объяснять конечную неудачу национальной политики большевизма только характером созданной им общественной системы и методами проведения этой политики в жизнь. Сегодня ясно, и мировой опыт подтверждает, что национальная проблема, имеющая не

только социальную компоненту, но уходящая также в область эмоционально-психологическую, вообще не может быть «решена» в том смысле, как это представлялось пришедшей к власти новой правящей элите. И в национальной области она оказалась заложницей собственных доктринальных подходов, которые в конкретной политической практике корректировались весьма своеобразно.

Революция произошла в огромном полиэтническом государстве, отличавшемся разнообразием регионов, прошедших неодинаковые стадии и этапы исторического развития. Окраины бывшей империи представляли собой разнотипные цивилизации (культуры). Наряду с промышленно развитыми районами, на гигантских просторах существовали общества с родоплеменной структурой, где социальные противоречия еще нередко явно не проявлялись, существуя латентно под оболочкой норм религии и традиционных обычаев. Национальный характер нередко принимало разделение между полиэтническим городом и моноэтническим селом. На этнополитической карте проступали различные супер- и субэтноты. Социокультурный облик регионов был неодинаков.

События 1917 года чрезвычайно активизировали национальные процессы в России. Национальное движение становилось все более значимым фактором её политического бытия.

Российские либералы, являясь сторонниками сохранения единства государства на конституционно-демократической основе, предоставления жителям России гражданских прав, мыслили путь разрешения национальных проблем через широкую культурно-национальную автономию. Её эффективность в удовлетворении потребностей национальной жизни должна была достигаться наличием разветвленной системы институтов местного самоуправления, способствующих изданию законов и правовых актов, учитывающих специфику жизни и быта в различных частях страны. При этом губернские и областные органы самоуправления наделялись правом заключать между собой различные соглашения и союзы с условием, что местное

нормотворчество не будет вступать в противоречие с общегосударственным Наряду с русским, предусматривалось право употребление на местах языков проживающих там народов, которые могли получать и образование на родном языке. Однако взбудораженное массовое сознание требовало иной политической партитуры. За дурманы шумом социальных и национальных лозунгов голос разума расслышан не был. Зато преуспели революционные партии социалистического направления. Так, программа эсеров ратовала за «возможно большее применение федеративных отношений между отдельными национальностями» и предусматривала в областях со смешанным населением право каждой национальности на пропорциональную своей численности долю в бюджете, предназначенном на культурно-просветительные цели. Меньшевики в своей избирательной платформе на выборах в Учредительное собрание, опубликованной 25 октября 1917 года, выступали против насильственного подавления национальных движений, за самое широкое самоуправление для областей, отличающихся своими национальными, экономическими и бытовыми особенностями, а также за культурно-национальную автономию для национальностей, расселенных в разных областях страны. При этом меньшевики настаивали на сохранении целостности и единства России.

Среди общероссийских политических организаций самые радикальные позиции занимали большевики, выступавшие за самоопределение наций, вплоть до политического отделения. Такой подход имел вполне конкретную революционную направленность, использовался в борьбе сначала с самодержавием, а затем – с Временным правительством с целью обеспечить поддержку национальных групп. Однако было бы не совсем правомерно обвинять большевистское руководство в сознательной ориентации на развал государства. В своей политике они исходили из ожидания приближающейся, по их мнению, мировой революции, которая интегрировала бы на национально-освободительное движение и расставила свои приоритеты в государственном устройстве. В этом плане весьма характерная мысль, высказанная Лениным уже в ноябре 1917 года в его выступлении на Всероссийском съезде военного

флота: «Нам не важно, где проходит государственная граница, главное – крепление союза трудящихся всех наций». Таким образом, на первом этапе своего нахождения у власти большевики, демонстрируя свой «демократизм» в национальном вопросе, одновременно показывали, что главное для них – упрочение собственной власти и ее потенциальной экспансии в широком геополитическом ареале. Это подтвердили последовавшие декреты о признании государственной независимости Финляндии и Польши, самостоятельности Тувы, до революции находившейся под российским протекторатом. Наиболее показательна линия поведения Ленина и группы его сторонников в период подписания Брестского мира – готовность пойти на значительные территориальные потери для сохранения «форпоста» мировой революции.

Тема 12

«Либеральная весна» и ее политическая судьба

9 марта 1953 года на Красной площади хоронили Сталина. А до этого в течение двух суток тело покойного было выставлено в гробу для «всенародного прощания» с ним. В Колонный зал Дома союзов устремились сотни тысяч москвичей. Сотни, если не тысячи из них были раздавлены в возникавших тут и там давках. Количество жертв было бы гораздо больше, если бы не был принят ряд мер, чтобы воспрепятствовать приезду в столицу иногородних.

Какие чувства и мысли владели в те дни советскими людьми? Многие из них если не большинство, испытывали тревогу: «Что же будет? Как теперь быть без мудрых предначертаний великого вождя и учителя?». К их числу принадлежал и будущий диссидент, а тогда преподаватель Военной академии им.Фрунзе полковник Петр Григоренко. Плакал, а затем выступил с проникновенной речью на траурном студенческом митинге в Ярославле инструктор обкома КПСС Александр Яковлев. Плакал писатель Михаил Рощин. А ссыльный геолог, когда-то возглавлявший кафедру военного

искусства в Академии Генерального штаба, Георгий Иссерсон вытянулся во фронт и скомандовал: «Встать! Хороним вождя!».

В Москву стали поступать ходатайства о присвоении имени Сталина промышленным предприятиям и высшим учебным заведениям, проспектам и площадям, городам. Некий М.Д. Момонтов предложил переименовать Грузинскую ССР в «советскую сталинскую республику», а Б. Козлов – СССР в «Союз советских сталинских республик». Москвич Н.В. Крицков желал, чтобы тело «любимого и родного человека всего мира» хранилось в еще одном мавзолее, воздвигнутом рядом с ленинским, и на строительство его жертвовал свой месячный оклад.

А вот у участника войны и начинающего драматурга Виктора Розова мелькнула дьявольская мысль: «Надо Смерти поставить памятник. Никто другой, кроме нее, не мог избавить нас от него». Студентка Ленинградского университета Рима Казакова, не пущенная своим отцом в Москву, слышала, как он рыдал в своей комнате, всхлипывая и матерясь: «Подох мать его...» Другая ленинградка, 13-летняя Маргарита Погребинская, дочка агронома-революционера и балерины из дворян, два дня серьезно размышляла, не пойти ли ей в МВД и не рассказать ли там, как богохулил ее сосед, безногий инвалид-орденоносец дядя Ваня: «Ну что, сдох этот?...» На Красной площади прямо перед мавзолеем выкаблучивала цыганочку на радостях пьяная молодая женщина, вырываясь из рук своего мужа, спасавшего ее от гнева тех, кто в тот день плакал. А «простой советский заключенный» Юз Алешковский, автор песни «Товарищ Сталин, вы большой ученый, в языкознании знаете вы толк», бегал по зоне и орал: «Гуталин подох!»

Палитра настроений на самом верху была не менее широкой. Молотов, Ворошилов и Каганович, хотя и ощущали некоторое облегчение, перестав трепетать за собственную судьбу, тем не менее искренне скорбели. Маленков, Микоян и Хрущев ничем не выдавали своих подлинных чувств. Один лишь Берия не скрывал радости и тожества. Но всех их в то время спланивало не только ощущение свалившейся на них ответственности, но и стремление

обезопасить себя лично от возможных рецидивов недавнего прошлого. Гарантия от этого виделась ими в коллективном руководстве. Не было возражений, чтобы возглавлялось оно Маленковым. Но чтобы он знал свое место, они заставили его уже 10 марта 1953 года устроить показательную выволочку идеологическим секретарям ЦК М.А. Суслову и П.Н. Поспелову, а также главному редактору «Правды» ДТ. Шепилову за то, что в газетном отчете о похоронах Сталина речь Маленкова была напечатана крупным шрифтом и заняла почти всю передовую полосу, тогда как выступления Молотова и Берии набраны обычным шрифтом и заняли каждая по половине второй полосы. Особенно возмутила их помещенная на третьей полосе фотография с изображением Маленкова, сидящего между Сталиным и Мао Цзэдуном: «Такого снимка вообще не было! Это произвольный монтаж из общего снимка, сделанного при подписании договора о союзе с Китайской Народной республикой. И выглядит этот монтаж как провокация». После этого последовал перечень других нарушений: из стоявших в последнем почетном карауле не упомянуты Первухин и Сабуров, из прочих членов Президиума ЦК одни названы верными учениками и соратниками покойного, а другие нет.

Общий вывод был таким: «В прошлом у нас были крупные ненормальности, много шло по линии культа личности. И сейчас надо сразу поправить тенденцию, идущую в этом направлении... Считаем обязательным прекратить политику культа личности!» Имя носителя этого культа тогда названо не было. Но начиная с 20 марта Сталин перестает упоминаться в заголовках газетных статей и почти полностью перестает цитироваться. Мало того, вскоре членов и кандидатов в члены ЦК стали знакомить в Кремле с документами, свидетельствовавшими о роли Сталина в недавних репрессиях, о его требованиях к следователям МГБ ужесточить допросы. Правда, примерно через неделю чтение этих бумаг было прекращено, разом оборвано. Успевшие с ними познакомиться высказывали мнение, впоследствии подтвердившееся, что сама идея такого чтения принадлежала Берии.

Выдвинув Маленкова на пост первого человека в государстве и став его первым заместителем, Берия принялся было за замену наиболее прогнивших опор режима. Оба они, а также привлекаемый ими для разработки соответствующих партийных решений Хрущев, понимали, а если не понимали, то чувствовали, что страна, общество зашли в тупик, что созданная Лениным и укрепленная и расширенная Сталиным социалистическая система исчерпала многие свои возможности и нуждается в срочном обновлении. Но отступить от тоталитарного принципа самой системы они не собирались. Еще меньше готовы были к этому другие члены «коллективного руководства». Уже первое радикальное предложение Берии – об амнистии – они урезали таким образом, что когда 27 марта 1953 год был принят соответствующий указ, в нем начисто отсутствовало даже упоминание о политических заключенных.